

ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ВО ВНУТРИЛИЧНОСТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР^а, Б.Д. ИРХИН^а, С.И. РЕЗНИЧЕНКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Диспозициональная аутентичность — это «узкая» черта, отвечающая за способность человека быть самим собой и противостоять внешнему влиянию; она включает три параметра: Аутентичную жизнь, отсутствие Принятия внешнего влияния и Самоотчуждение. В двух эмпирических исследованиях уточняется место аутентичности во внутриличностном пространстве. Задачами этих исследований были 1) уточнение онтологического статуса аутентичности через соотнесение с другими чертами личности, 2) определение паттерна наиболее благоприятных или неблагоприятных для ее проявления черт и 3) уточнение содержания ее возможных предикторов. Основной методикой была Шкала аутентичности (Wood et al, 2008; в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер и др., 2020). В исследовании 1 (n = 271) с использованием Опросника темперамента и характера (Cloninger et al., 1993; в адаптации Н.А. Алмаева, Л.Д. Островской, 2005) показано, что Самостоятельность как свойство характера — ключевой предиктор аутентичности. Несколько слабее аутентичность способны объяснить особенности темперамента — низкая тревожность и независимость от других (низкая склонность к Избеганию опасности и к Зависимости от подкрепления). Поиск нового и Кооперативность не играют роли в поддержании аутентичности. В исследовании 2 (n = 174) анализировались связи аутентичности с базовыми чертами личности, измеренными посредством опросника «Маркеры факторов “Большой пятерки”» (Goldberg, 1992; в адаптации Г.Г. Князева и др., 2010). Обнаружено, что аутентичность сильно обусловлена эмоциональной стабильностью (низким Нейротизмом), а Самоотчуждение, или отсутствие контакта с самим собой, диктуется высоким Нейротизмом и низкими Экстраверсией и Сознательностью. Относительно низкая предсказательная способность особенностей характера, темперамента, а также черт в отношении аутентичности подтверждает предположение о том, что аутентичность должна рассматриваться как самостоятельное системное качество личности более высокого порядка, чем отдельно взятые свойства темперамента или характера.

Ключевые слова: аутентичность, личность, темперамент, характер, пятифакторная модель.

Введение

Аутентичность — это черта личности, способствующая тому, что человек следует своей природе (индивидуальности) и одновременно — своему пути

(предназначению, призванию) (Леонтьев, Шильманская, 2019; Нартова-Бочавер, 2011; Harter, 2002; Kernis, Goldman, 2006; Wood et al., 2008). Благодаря наличию этой черты человек распознает провокации со стороны окружающего мира, требующие отказаться от собственного Я. Он также восприимчив к обратной связи, сигнализирующей об отсутствии контакта с самим собой, о том, что он недостаточно понимает свои состояния, намерения и мысли.

В течение последних десятилетий интерес к изучению аутентичности личности в зарубежной психологии неуклонно возрастает, и тому есть много причин. Быть самим собой — естественная потребность человека, которая депривируется в условиях высокой неопределенности, давления среды, информационных перегрузок и высокого темпа жизни. На протяжении своего жизненного пути человек может несколько раз изменить свою личную и социальную идентичность, и потому требуется феноменологическая, не привязанная к объективной реальности «неподвижная точка», которая давала бы понять, что, несмотря на интенсивные средовые и индивидуальные изменения, человек все же остается самим собой. Эта точка — переживание аутентичности, подлинности, верности себе. Верно и обратное: переживание отчужденности от самого себя и мира влечет неосознанные ошибки в принятии социальной роли, деятельности, понимании своего предназначения в целом, становясь причиной личностных и профессиональных экзистенциальных кризисов (Осин, Леонтьев, 2007; Бочавер и др., 2019).

Другая причина возрастающего интереса к аутентичности — ее высокая ресурсность для личности, приводящая к разнообразным позитивным эффектам. Многочисленные исследования показывают, что диспозициональная аутентичность вносит вклад в психологическое благополучие, высокую самооценку, сопереживание другим и себе, а также играет буферную роль в предотвращении разного рода психологических уязвимостей (Янченко, Нартова-Бочавер, 2020; Sutton, 2020). Таким образом, это качество необходимо изучать, измерять и развивать.

Аутентичность личности как психологический феномен

Слово «аутентичность» имеет греческое происхождение (*αὐθεντικός* означает истинный, настоящий, подлинный, *αὐθεντέω* — быть исполненным энергии), но прототипы или аналоги аутентичности личности существовали в разных культурах. На Востоке в качестве признаков аутентичности отмечались иррациональность и непознаваемость истинного Я, которое открывает себя ищущему лишь по желанию (Катха Упанишада, б.д.), верность собственному уникальному пути (Мистерия Дао, 1996) или гармония личности благородного мужа, который уважает правила и ритуалы и в то же время не останавливается в своем развитии (Классическое конфуцианство, 2000).

В философии Платона в качестве аспектов аутентичности рассматривались *калокагатия* как соответствие прекрасного тела и души, *даймоний* как верность внутреннему голосу и *софросина* как созвучие характера, осознания

и поведения, проявляющееся в широком спектре человеческих добродетелей (Платон, 1986). Таким образом, если на Востоке основой гармонии и подлинности был диалог человека и мира, то на Западе — это скорее диалог с самим собой.

В современной психологии личности понятие аутентичности используется в нескольких контекстах, обозначая признак самоорганизации личности (в отличие от ее дезинтегрированности) (Sheldon et al., 1997), ее текущее состояние (Lenton et al., 2016; Fleeson, Wilt, 2010), качество межличностных отношений и ролей (Lopez, Rice, 2006; Robinson et al., 2013) или верность жизненному призванию (Леонтьев, Шильманская, 2019). Одно из первых определений аутентичности было сформулировано С. Хартер, которая понимала это качество как «присвоение человеком своего личного опыта, будь то мысли, эмоции, потребности, желания, предпочтения или убеждения, — процессы, вовлеченные в предписание “познать себя”» (Harter, 2002, p. 382). Наиболее проработанной представляется традиция понимания аутентичности как узкой черты личности, как диспозиции.

Можно заключить, что аутентичность личности представляет собой одно из трудно определяемых качеств, которое не всегда может быть объективировано и предполагает взаимное соответствие чувств, мыслей, поведения и Я-концепции человека. Более того, немногочисленные кросс-культурные исследования или те, что были проведены в культурах, отличных от западных, показывают, что аутентичность — это культурно сензитивный феномен, трудно определяемый из-за ограничений языка (Kernis, Goldman, 2006).

Наиболее последовательно диспозициональная аутентичность изучается в рамках роджерсианской гуманистической парадигмы, возможно, благодаря наличию валидной и устойчивой *Шкалы аутентичности* (Wood et al., 2008), которой в настоящем исследовании будем пользоваться и мы. Согласно центральной для этой парадигмы модели (Barrett-Lennard, 1998), аутентичность личности проявляет себя в трех измерениях: аутентичной жизни, отсутствии принятия внешнего влияния и самоотчуждения.

Для понимания сущности и проявлений диспозициональной аутентичности прежде всего необходимо понять ее место во внутриличностном пространстве. Это позволит, во-первых, уточнить онтологический статус аутентичности, соотнеся ее с другими индивидуальными особенностями; во-вторых, определить паттерн наиболее и наименее благоприятных для ее проявления черт; в-третьих, уточнить коридор возможностей психотерапии и личностного роста в направлении достижения аутентичности, иначе говоря, понять, действительно ли мы «обречены» на аутентичное бытие (Parish, 2009) или существуют темпераментальные и диспозициональные «ограничители», препятствующие достижению этой цели.

К настоящему времени получены эмпирические результаты, показывающие некоторую предзаданность аутентичности биологическими переменными и связь с другими личностными диспозициями. Так, было обнаружено, что аутентичность действительно предсказывается темпераментом и характером, хотя и не очень сильно: вероятность проявления диспозициональной аутентичности

повышают такие качества характера, как самостоятельность и самотрансценденция, по Р. Клонингеру (Pinto et al., 2011).

А. Вуд с соавт. (Wood et al., 2008) показали, что аутентичность тесно связана с чертами *Большой пятерки*, однако несводима к ним, представляя собой отдельную черту. *Аутентичная жизнь* оказалась положительно связана с *Согласием* и *Открытостью* и отрицательно — с *Нейротизмом*, *Принятие внешнего влияния* — отрицательно с *Экстраверсией* и *Согласием*, *Самоотчуждение* — отрицательно с *Экстраверсией*, *Согласием*, *Добросовестностью* и положительно — с *Нейротизмом*; объясненная дисперсия оказалась равна 12%, 11% и 13% соответственно. Таким образом, аспекты аутентичности образовали разные паттерны связей с чертами *Большой пятерки*, во-первых, непротиворечиво свидетельствующие, о том, что *Аутентичная жизнь* — это адаптивное качество, а *Самоотчуждение* и *Принятие внешнего влияния* — дезадаптивные, и, во-вторых, отмечающие биологическую предзаданность диспозициональной аутентичности, хотя и не очень сильную. Более того, интроверты по совокупности этих данных имеют больше шансов попасть в группу неаутентичных личностей.

Более подробное исследование места аутентичности во внутриличностном пространстве (Maltby et al., 2012) подразумевало сопоставление модели аутентичности с теорией чувствительности к подкреплению (Gray, 1987), концепцией темперамента и характера (Cloninger et al., 1993), моделью личности *HEXACO* (Ashton, Lee, 2007) и теорией самодетерминации (Deci, Ryan, 1985). Было обнаружено, что в интегрирующей эти подходы модели *Аутентичная жизнь* грузится в фактор *Честности–Смирения* наряду с внутренней мотивацией и отрицательно грузящейся внешней мотивацией; *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение* грузились в тот же фактор отрицательно. Остальные черты личности при этом никак не соотносились с диспозициональной аутентичностью. Таким образом, наиболее заметная ассоциация возникла между аутентичностью как свойством личности и единственным в *HEXACO* фактором морального содержания, при этом остальные черты личности не образовывали связи с аспектами аутентичности. Как видим, этот результат противоречит полученным ранее, акцентируя оторванность аутентичности от природных корней и отнесенность скорее к высшим личностным качествам.

На франкоговорящей выборке канадцев (Grégoire et al., 2014) были получены результаты, подобные тем, что были ранее описаны А. Вудом с соавт. (Wood et al., 2008). Так, *Аутентичная жизнь* оказалась отрицательно связана с *Нейротизмом*, в то время как *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение* — положительно; *Аутентичная жизнь* была положительно связана с *Добросовестностью*, а *Принятие внешнего влияния* — отрицательно. Наконец, *Самоотчуждение* отрицательно коррелировало с *Экстраверсией* и *Согласием*. Регрессионные модели показали, что, несмотря на значимые связи, модель для *Аутентичной жизни* объясняет всего 9 % дисперсии, в то время как для *Принятия внешнего влияния* и *Самоотчуждения* — 26 %. Опять же это свидетельствует о том, что аутентичность представляет собой самостоятельную черту, но в некоторой степени предсказывается крупными диспозициями.

В России исследовалась связь первой адаптированной на подростково-юношеской группе версии *Шкалы аутентичности* (Бардадымов, 2012) с *Пятифакторным опросником* в версии А.Б. Хромова (2000). Было обнаружено, что *Аутентичная жизнь* связана с *Самоконтролем* и *Эмоциональной устойчивостью* (полюсом, противоположным *Нейротизму*), *Принятие внешнего влияния* — отрицательно с *Привязанностью*, *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение* — отрицательно с *Эмоциональной устойчивостью*.

Итак, мы видим, что данные о природе диспозициональной аутентичности, равно как и о ее проявлениях, довольно скудны и нестабильны в разных возрастных и культурных группах, что вполне отвечает содержанию этой черты как ненормативной и внутренне детерминированной. Противоречивость полученных данных задает основную цель данной статьи — изучить связь диспозициональной аутентичности с темпераментом, характером и чертами *Большой пятерки*. Вслед за Р. Клонингером под темпераментом мы будем понимать биологически детерминированный способ адаптации личности к среде: притяжение (*Поиск нового*), избегание (*Избегание опасности*), торможение (*Зависимость от подкрепления*) и активацию (*Настойчивость*), а под характером — стиль самоидентификации личности, который отвечает на вопрос, как человек видит самого себя: в качестве автономного субъекта (*Самостоятельность*), части социума (*Кооперативность*) или части мироздания (*Самотрансцендентность*). В отличие от характера (когнитивной саморепрезентации по Р. Клонингеру), черты *Большой пятерки* концептуализируются как диспозиции, т.е. как поведенческая способность действовать определенным образом в социуме — приходить к согласию, быть добросовестным и т.п.

В качестве гипотез исследования были сформулированы следующие предположения:

1) диспозициональная аутентичность подкрепляется качествами характера, ассоциированными со зрелой личностью, — *Самостоятельностью* и *Самотрансцендентностью* — и ослабляется темпераментальными свойствами, традиционно связанными с высокой тревожностью — *Зависимостью от подкрепления* и *Избеганием опасности*;

2) диспозициональная аутентичность обуславливается прежде всего эмоциональной стабильностью личности и в меньшей степени просоциальными чертами — *Согласием* и *Экстраверсией*;

3) темперамент, характер и черты личности в целом будут вносить умеренный вклад в диспозициональную аутентичность, в связи с чем акцентируется идея о том, что аутентичность представляет собой самостоятельную личностную характеристику.

Дизайн исследования

Исследование включало два этапа; выборки не пересекались (ссылки с приглашением к участию в исследовании рассылались слушателям разных потоков, обучающихся в разные годы). На первом этапе были изучены корреляты

аутентичности с качествами темперамента и характера и построены регрессионные модели аутентичности. На втором этапе мы исследовали связи аутентичности и черт *Большой пятерки*. Описательные статистики и внутренняя согласованность используемых методик представлены в таблице 1.

Корреляционный анализ проводился с помощью коэффициента корреляции Пирсона. При построении регрессионных моделей мы использовали пошаговый анализ регрессий методом OLS (Ordinary least squares). Перед анализом из обеих выборок были удалены выбросы на основе показателей расстояния Махаланобиса, Кука и метода Centered Leverage – в общей сложности 69 наблюдений (11% от общей первоначальной выборки в 629 человек). Все наблюдения с пропущенными значениями были удалены из анализа (115 кейсов, 18.3% от исходной выборки). Поскольку допущение о нормальности распределения данных по некоторым субшкалам было отвергнуто (распределение симметрично, но островершинно) и ни один из способов линейной нормализации данных не был эффективен, мы проверяли распределение регрессионных остатков *post hoc*, которые во всех регрессионных моделях соответствовали нормальному. Для проверки мультиколлинеарности и устойчивости коэффициентов регрессии во всех моделях были проанализированы фактор

Таблица 1

Описательные статистики используемых методик

Методики	α Кронбаха	М	SD	SE
<i>Аутентичность</i>				
Аутентичная жизнь	0.64	10.59	3.85	0.18
Принятие внешнего влияния	0.71	13.96	4.90	0.23
Самоотчуждение	0.83	14.29	6.09	0.29
<i>ТСР Р. Клонингера</i>				
Поиск нового	0.76	13.10	4.45	0.27
Избегание опасности	0.88	12.20	5.99	0.37
Зависимость от подкрепления	0.63	8.39	2.51	0.15
Кооперативность	0.81	10.49	3.08	0.19
Самостоятельность	0.86	19.68	6.55	0.40
Самотрансцендентность	0.84	11.37	4.91	0.30
<i>Маркеры факторов «Большой пятерки»</i>				
Экстраверсия	0.87	33.20	7.55	7.54
Согласие	0.80	38.07	5.90	5.89
Сознательность	0.80	32.16	6.88	6.87
Нейротизм	0.87	35.32	7.81	7.91
Интеллект	0.69	38.04	5.00	4.99

инфляции дисперсии (VIF) и показатель толерантности. Во всех моделях VIF каждого предиктора был менее 1.5 (при верхней конвенциональной отсечке 10), т.е. допущение о мультиколлинеарности было отвергнуто. Отсутствие автокорреляций проверялось статистикой Дарбина–Уотсона. Для всех регрессионных моделей она варьировала в допустимых пределах – 2.0–2.5. Помимо «классических метрик», для регрессионных моделей дополнительно рассчитывался показатель f^2 – локальный размер эффекта Коэна для каждого предиктора ($f \geq 0.02$; $f \geq 0.15$; $f \geq 0.35$ отражает малый, средний и большой эффект соответственно) (Cohen, 1988).

Статистический анализ проводился в программе SPSS v. 23 и в среде R.

Диспозициональная аутентичность, темперамент и характер

Процедура

В исследовании принял участие 271 респондент (40 мужского пола, 231 – женского, $M_{\text{возраст}} = 21.1$ года, $SD_{\text{возраст}} = 2.5$ года), большинство – студенты бакалавриата психологических вузов г. Москвы и слушатели открытых факультативных курсов по психологии, имеющие высшее образование. Данные были собраны в рамках выполнения студентами и слушателями курсов своих академических проектов. Опросники заполнялись на онлайн-платформе 1ka.si. Участие в исследовании было добровольным и анонимным; в случае заполнения опросников студенты получили дополнительные кредиты и обратную связь по обобщенным результатам.

Методики

Аутентичность. В качестве инструмента для измерения аутентичности мы выбрали русскоязычную версию *Шкалы аутентичности* А. Вуда в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер и С.И. Резниченко. Версия представляет собой модификацию варианта опросника, ранее адаптированного В.А. Бардадымовым (2012)¹. Опросник состоит из 11 утверждений, сгруппированных по трем шкалам. Степень согласия респондента с каждым из утверждений оценивается по семибалльной шкале Лайкерта. Субшкала *Аутентичная жизнь* (пример реверсивного пункта: «Мне трудно жить в соответствии с моими ценностями и убеждениями») описывает психологическую готовность субъекта быть верным себе в большинстве ситуаций и действовать в соответствии с собственными ценностями и убеждениями. α Кронбаха шкалы была несколько ниже конвенционального уровня – 0.64, поэтому, чтобы убедиться во внутренней согласованности шкалы, мы измерили альтернативный показатель надежности – ω Макдональда, который является более робастным методом измерения надежности данных, представленных в ординальной шкале. Показатель ω

¹ Шкала прошла полную психометрическую подготовку; описание валидации готовится к публикации.

составил 0.76, что удовлетворяет принятым стандартам надежности (Hair et al., 2010). Субшкала *Принятие внешнего влияния* (пример пункта: «Обычно я делаю то, о чем меня просят другие») отражает степень зависимости человека от влияния и мнения других людей, готовности соответствовать ожиданиям окружающих. Наконец, субшкала *Самоотчуждение* (пример пункта: «Я кажусь незнакомцем самому себе») означает отсутствие контакта с самим собой и понимания собственных мотивов, побуждений и желаний. *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение* отрицательно коррелируют с аутентичностью, а шкала *Аутентичной жизни* — положительно. Тем не менее три субшкалы несводимы к единой метрике аутентичности человека (Wood et al., 2008).

Темперамент и характер. Для измерения особенностей темперамента и характера мы использовали русскоязычную версию *Опросника темперамента и характера* Р. Клонингера (TCI-140), адаптированную Н.А. Алмаевым (Cloninger et al., 1993; Алмаев, Островская, 2005). Инструмент включает шесть основных измерений: *Поиск нового*, *Избегание опасности*, *Зависимость от подкрепления*, *Кооперативность*, *Самостоятельность* и *Самотрансцендентность*. В свою очередь, каждая из шести супершкал включает от двух до пяти субшкал. Опросник состоит из 140 утверждений, степень согласия с которыми оценивается по дихотомической шкале («да» и «нет»). В нашем исследовании α Кронбаха шкал варьировала от 0.63 (*Зависимость от подкрепления*) до 0.88 (*Избегание опасности*).

Результаты и их обсуждение

Перед проверкой каузальных связей между аутентичностью и свойствами характера и темперамента мы проанализировали корреляции между переменными (таблица 2). *Аутентичная жизнь* положительно и сильно связана с *Самостоятельностью*, умеренно — с *Кооперативностью*, отрицательно — с *Избеганием опасности*. Связи между *Принятием внешнего влияния* и обозначенными свойствами характера/темперамента обнаруживают обратную тенденцию: чем сильнее человек стремится к кооперативности и автономности, тем меньше он склонен соответствовать ожиданиям других людей в ущерб своим интересам. *Самоотчуждение* имеет сильные отрицательные связи с *Самостоятельностью* и слабые — с *Кооперативностью*, а также умеренные положительные связи с особенностью темперамента — *Избеганием опасности*.

Результаты множественного регрессионного анализа показывают, что *Самостоятельность* — единственный значимый предиктор ($F(1, 265) = 129.22$; $R_{adj}^2 = 0.32$; $r = 0.57$, $p < 0.001$) *Аутентичной жизни*, позволяющий человеку быть подлинным и верным своим мыслям, эмоциям, поведению (таблица 3). Эта связь ожидаема, учитывая, что *Самостоятельность* в биопсихосоциальной модели Р. Клонингера рассматривается не только как черта характера, но и как стиль самоидентификации — склонность оценивать себя как автономного и самодостаточного человека, управляющего собой и тем, что происходит вокруг.

Таблица 2

**Связь интегральных особенностей характера и темперамента (шкалы ТСИ Р. Клонингера)
с проявлениями диспозициональной аутентичности (r Пирсона)**

Переменные	1	2	3	4	5	6	7	8
Аутентичность								
1. Аутентичная жизнь	-							
2. Подверженность внешнему влиянию	-0.40**	-						
3. Самоотчуждение	-0.57**	-0.32**	-					
ТСИ Клонингера								
4. Поиск нового	-0.03	-0.01	0.06	-				
5. Избегание опасности	-0.38**	0.33**	0.39**	-0.22**	-			
6. Зависимость от подкрепления	0.05	0.19**	-0.10	0.17**	-0.07	-		
7. Кооперативность	0.26**	-0.14*	-0.18**	0.05	-0.25**	0.18**	-	
8. Самостоятельность	0.57**	-0.43**	-0.51**	-0.12	-0.60**	-0.01	0.33**	-
9. Самотрансценден- тность	0.05	-0.02	0.02	0.18**	-0.22**	0.25**	0.18**	0.20**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Несколько слабее особенности темперамента и характера способны объяснить склонность человека к конформному поведению ($F(3, 263) = 26.87$, $R_{adj}^2 = 0.23$; $r = 0.48$, $p < 0.001$). Так, *Принятие внешнего влияния* слабо, но статистически значимо обусловливается стремлением избегать новых стимулов (*Избеганием опасности*) и фрустрацией в отсутствие вознаграждения (*Зависимостью от подкрепления*). Вместе с тем *Самостоятельность* вносит отрицательный вклад в *Принятие внешнего влияния*, что выглядит логичным с феноменологической точки зрения: автономность предполагает способность человека выступать агентом действий и поступать осознанно в соответствии со своими ценностями и принципами, даже если они идут вразрез с чьими-то ожиданиями или социальными нормами.

В регрессионную модель *Самоотчуждения* с отрицательными коэффициентами были включены такие личностные предикторы, как *Самостоятельность* и *Зависимость от подкрепления*, с положительными – *Избегание опасности* и, что удивительно на первый взгляд, *Самотрансцендентность*. Однако далее при анализе вклада субшкал *Самотрансцендентности* в *Самоотчуждение* обнаружилось, что регрессионный вес имеет лишь субшкала *Вера в сверхъестественное* (см. приложение), по сути, магическое мышление. Люди с высокими показателями по этой шкале смиренны и не испытывают потребности в контроле над ситуацией. Эти характеристики объяснимо встраиваются в логику феномена самоотчуждения: непроясненность своих чувств, убеждений, желаний и отсутствие устойчивой

системы координат для оценки того, что «хорошо или плохо лично для меня», приводят к инерционности и непритязательности личности, попыткам найти смыслы в ритуалах, знаках, иррациональной вере.

Любопытно, что *Поиск нового* и *Кооперативность* не играют никакой роли в поддержании аутентичности в принципе, хотя оба фактора связаны с психологическим благополучием и самоэффективностью.

В целом результаты регрессионного анализа согласуются с данными, представленными в работе Д. Пинто с соавт. (Pinto et al., 2011), особенно в части относительно слабой прогностической способности характера и темперамента предсказывать аутентичность личности. В нашем исследовании регрессионные модели объяснили большую часть дисперсии аутентичности, чем у Д. Пинто с соавт. (28 % против 18 % соответственно), но все равно недостаточную, чтобы концептуализировать аутентичность как особенность характера или темперамента. Ансамбль предикторов аутентичности также отличается: в текущем исследовании наибольший вклад во все параметры аутентичности вносит *Самостоятельность*, в то время как у зарубежных коллег — *Зависимость от подкрепления*, *Самотрансцендентность* и *Избегание опасности*. Полученные в нашем исследовании связи между аутентичностью и *Самостоятельностью* кажутся логичными. Так, М. Кернис и Б. Голдман утверждают, что автономия представляет собой важный компонент аутентичности, поскольку аутентичный человек «действует в соответствии со своими ценностями, предпочтениями и потребностями», рефлексировывает свои действия, оценивает свои реальные возможности и ограничения, взвешивает альтернативы при принятии решений и берет за них ответственность (Kernis, Goldman, 2006, p. 302). Близких взглядов придерживаются авторы теории самодетерминации, определяя автономию как способность ощущать себя творцом своих действий и согласовывать их с личными ценностями и целями (Ryan, Deci, 2017).

На следующем этапе мы провели пошаговый регрессионный анализ компонентов аутентичности и субшкал опросника Р. Клонингера (см. приложение). Нас интересовало, какие специфические структурные образования характера и темперамента вносят вклад в переживание аутентичности, а какие, наоборот, препятствуют ему.

Значимыми положительными предикторами *Аутентичной жизни* оказались *Ответственность*, *Гармоничная вторая натура*, *Сострадание*, *Привязчивость* и *Экстравагантность*. Отрицательными предикторами — *Гипертрофированная эмпатия* и *Страх неопределенности*. По большому счету только два параметра в регрессионной модели вносят существенный вклад в *Аутентичную жизнь*, в совокупности объясняя 32% дисперсии (более 80% изменений коэффициента детерминации), — *Ответственность* и *Гармоничная вторая натура*. Обе субшкалы ассоциируются с личностной зрелостью, сформированностью процессов саморегуляции, ответственностью и самодостаточностью, что логично коррелирует с феноменологическим полем аутентичной личности.

Таблица 3

**Интегральные особенности характера и темперамента
(шкалы ТCI Р. Клонингера), обуславливающие проявления диспозициональной аутентичности
(регрессионный анализ)**

Модель	Качество модели	Регрессионный путь	β	B	SEB	t	p	f ²
1	$R_{adj}^2 = 0.32$ SE = 3.26	Самостоятельность → АЖ	0.57	0.35	0.03	11.38	0.000	0.56
2	$R_{adj}^2 = 0.23$ SE = 4.45	Самостоятельность → ПВВ	-0.35	-0.27	0.05	-5.16	0.000	0.19
		Зависимость от подкрепления → ПВВ	0.20	0.39	0.11	3.65	0.000	0.07
		Избегание опасности → ПВВ	0.14	0.12	0.06	2.07	0.040	0.05
3	$R_{adj}^2 = 0.30$ SE = 5.36	Самостоятельность → СО	-0.46	-0.45	0.06	-7.10	0.000	0.37
		Самотрансцендентность → СО	0.18	0.23	0.07	3.26	0.001	0.06
		Зависимость от подкрепления → СО	-0.14	-0.36	0.13	-2.64	0.009	0.04
		Избегание опасности → СО	0.15	0.16	0.06	2.26	0.024	0.05

Примечание. R_{adj}^2 – скорректированный коэффициент детерминации; SE – стандартная ошибка оценки; β – стандартизованный коэффициент регрессии; B – нестандартизованный коэффициент регрессии; SEB – стандартная ошибка B; f² – размер эффекта Коэна; АЖ – Аутентичная жизнь; ПВВ – Принятие внешнего влияния; СО – Самоотчуждение.

Высокое *Принятие внешнего влияния* ожидаемо определяется *Сентиментальностью*, *Страхом неопределенности* и *Застенчивостью* и в целом сопряжено с установкой остерегаться нового, того, что может нести в себе психологическую угрозу (все перечисленные субшкалы принадлежат к шкале *Избегание опасности*). Отрицательный вклад вносят *Ответственность* (объясняет 70% изменений R^2 в модели), *Гармоничная вторая натура* и, что удивительно, *Астения*, которая проявляется в виде общей психосоматической уязвимости человека. Возможно, эти артефактные связи действуют по принципу гиперкомпенсации: антиципируя риски быстрого психического истощения от взаимодействия с другими, человек блокирует любые формы давления извне, в том числе с помощью «упреждающего» противостояния мнениям, ожиданиям и предложениям окружающих. Так, например, было обнаружено, что у молодых людей высокий уровень невротизации прогнозирует конфронтационные установки и агрессивное поведение (Sun et al., 2016).

Наконец, *Самоотчуждение* объясняется широким набором характерологических свойств, среди которых большинство относится к супершкале *Самостоятельность*: *Целенаправленность*, *Ответственность*, *Гармоничная вторая натура*, *Самопринятие* и *Привязчивость* – все они вносят отрицательный вклад в *Самоотчуждение* и потенциально могут быть ресурсными в плане

развития личностной интеграции и самосогласованности. Поддерживает *Самоотчуждение* неожиданное сочетание черт характера – *Страх перед неопределенностью*, *Любознательность* и *Вера в сверхъестественное*. Складывается впечатление, что самоотчуждению личности способствуют взаимно противоречивые влечения – любопытство по отношению к сверхъестественному и одновременно страх перед неопределенностью, которая неизбежно сопутствует сверхъестественным явлениям («Хочу знать, но боюсь»).

Аутентичность и черты личности

Процедура

В исследовании приняли участие 174 респондента (53 мужского пола, 121 — женского, $M_{\text{возраст}} = 19.04$, $SD_{\text{возраст}} = 0.95$). Большинство испытуемых — студенты психологических вузов г. Москвы. Условия участия были теми же, что и в исследовании 1. Опросники заполнялись на онлайн-платформе 1ka.si.

Методики

Для измерения аутентичности использовалась русскоязычная версия *Шкалы аутентичности*. Базовые черты личности измерялись с помощью русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой пятерки”» (Goldberg, 1992; Князев и др., 2010). Опросник состоит из 50 утверждений, степень согласия с которыми респондент оценивает по 5-балльной шкале Лайкерта. Опросник включает пять шкал: *Экстраверсию*, *Согласие*, *Сознательность*, *Нейротизм* и *Интеллект*. Опросник хорошо зарекомендовал себя с точки зрения своих психометрических качеств; в нашем исследовании самосогласованность шкал опросника варьировала от 0.69 до 0.87.

Результаты и их обсуждение

В таблице 4 приведены результаты корреляционного анализа, показывающие схожую композицию связей, представленных в исследовании авторов оригинальной версии Шкалы аутентичности (Wood et al., 2008). *Аутентичная жизнь* наиболее тесно и отрицательно связана с *Нейротизмом* и положительно — с чертами, определяющими успешность социальной интеграции (*Экстраверсией* и *Согласием*), а также с *Сознательностью*, иными словами, с готовностью принимать на себя ответственность, контролировать импульсные действия и предусматривать последствия своих поступков.

И по результатам А. Вуда с соавт., и по нашим данным, *Принятие внешнего влияния* имеет более слабые и менее разнообразные корреляции с чертами: отрицательные — с *Сознательностью* и *Интеллектом* и положительную — с *Нейротизмом*. Однако у зарубежных коллег *Принятие внешнего влияния* наиболее тесно коррелировало с *Экстраверсией*, в то время как в текущем исследовании подобных связей не обнаружено в принципе (Wood et al., 2008).

Самоотчуждение ожидаемо отрицательно коррелирует с Экстраверсией, Согласием и Сознательностью и положительно — с Нейротизмом.

Что касается регрессионных связей между чертами личности и аутентичностью, то тут компоненты аутентичности сильно обусловлены эмоциональной стабильностью (отсутствием Нейротизма), что еще раз отсылает нас к концептуализации аутентичности как базового ресурса психологического здоровья (таблица 5). Несмотря на небольшую предсказательную способность всех моделей (17%, 8% и 18.3% для Аутентичной жизни, Принятия

Таблица 4

Связь черт личности Большой пятерки с проявлениями диспозициональной аутентичности (*r* Пирсона)

Переменные	1	2	3	4	5	6	7
Аутентичность							
1. Аутентичная жизнь	-						
2. Подверженность внешнему влиянию	-0.26***	-					
3. Самоотчуждение	-0.53***	0.25***	-				
Маркеры факторов Большой пятерки							
4. Экстраверсия	0.22**	-0.01	-0.27***	-			
5. Согласие	0.25***	-0.14	-0.20**	0.23**	-		
6. Сознательность	0.24**	-0.20**	-0.26***	0.13	0.30***	-	
7. Нейротизм	-0.37***	0.20**	0.36***	-0.20**	-0.08	-0.21**	-
8. Интеллект	0.09	-0.22**	-0.08	0.22**	0.31***	0.25***	0.01

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Таблица 5

Факторы Большой пятерки, обуславливающие проявления диспозициональной аутентичности (регрессионный анализ)

Модель	Качество модели	Регрессионный путь	β	B	SEB	t	p	f^2
1	$R_{adj}^2 = 0.17$ SE = 3.28	Нейротизм → АЖ	-0.35	-0.16	0.03	-4.98	0.000	0.19
		Согласие → АЖ	0.22	0.15	0.05	3.11	0.002	0.08
2	$R_{adj}^2 = 0.08$ SE = 4.46	Интеллект → ПВВ	-0.22	-0.22	0.07	-3.01	0.003	0.08
		Нейротизм → ПВВ	0.21	0.12	0.04	2.80	0.006	0.07
3	$R_{adj}^2 = 0.18$ SE = 4.99	Нейротизм → СО	0.28	0.21	0.05	3.97	0.000	0.12
		Экстраверсия → СО	-0.19	-0.14	0.05	-2.66	0.009	0.06
		Сознательность → СО	-0.18	-0.16	0.06	-2.51	0.013	0.06

Примечание. См. расшифровку к табл. 3.

внешнего влияния и Самоотчуждения соответственно), предикторы (кроме Нейротизма) характеризуются уникальностью с точки зрения их влияния на каждый компонент аутентичности. Так, *Согласие* задает *Аутентичную жизнь*, *Интеллект* — *Принятие внешнего влияния*, а *Экстраверсия* и *Сознательность* — *Самоотчуждение*. По-видимому, личностные черты обладают большей дискриминативной способностью предсказывать выраженность каждого компонента аутентичности, чем характер и темперамент человека.

Любопытным кажется то, что именно *Интеллект* вносит больший отрицательный вклад в *Принятие внешнего влияния*, а не просоциальные черты, подобные *Экстраверсии* и *Согласию*. Мы допускаем, что это может быть связано с более высокой степенью изоморфности *Интеллекта* по сравнению с *Экстраверсией* и *Согласием*: открытость новому опыту как устойчивая черта и одновременно как ситуационный поведенческий паттерн связана с аутентичностью сильнее, чем *Экстраверсия* и *Согласие* в этих же двух ипостасях (Fleeson, Wilt, 2010).

Сравнивая полученные нами результаты с данными А. Вуда и др., можно констатировать рядоположенность выводов как в отношении размера эффекта регрессий (показатель детерминации компонентов аутентичности факторами Большой пятерки у зарубежных коллег варьировал в пределах 11–13%, у нас — от 8 до 18%), так и в отношении содержания связей, за тем исключением, что *Нейротизм* в наших моделях вносит существенно больший вклад в отсутствие аутентичности (Wood et al., 2008).

Заключение

Проводя данное исследование, мы стремились внести ясность в исследование диспозициональной аутентичности, описать ее онтологические характеристики, а также определить, какие индивидуальные особенности способствуют или, наоборот, препятствуют аутентичности.

В первую очередь, наши данные подтверждают гипотезы зарубежных исследователей о том, что аутентичность представляет собой самостоятельную черту (Grégoire et al., 2014; Pinto et al., 2011; Wood et al., 2008), которая в некоторой степени может быть предзадана факторными чертами, входящими в состав Большой пятерки, либо особенностями характера и темперамента. Обе серии исследования показывают, что характер и базовые черты личности вносят умеренный вклад в аутентичность. Несмотря на то что в нашем исследовании характер и темперамент объяснили большую часть дисперсии аутентичности, чем в предыдущих исследованиях (28% против 18%), относительная прогностическая способность регрессионной модели все равно невелика. Таким образом, аутентичность несводима к особенностям темперамента, характера и к чертам и должна рассматриваться как самостоятельное системное качество личности более высокого порядка, чем, например, самостоятельность, ответственность или трансцендентность. Идея холистичности аутентичности как характеристики зрелой личности широко транслируется в экзистенциальной психологии, где она понимается как некая имманентная

характеристика, внутренняя сила, которая априори существует у каждого и может быть раскрыта.

Предикторами аутентичности оказались почти все структурные факторы темперамента и характера, выделенные Р. Клонингером, за исключением *Кооперативности*, т.е. способности к принятию других людей и идентификации с ними, и *Поиска нового*, проявляющегося в любознательности, психической подвижности и импульсивности. Наибольшей объяснительной силой обладает черта характера *Самостоятельность*: она вносит положительный вклад (и является единственным предиктором) в *Аутентичную жизнь* и отрицательный — в *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение*. Остальные особенности характера и темперамента — *Зависимость от подкрепления*, *Избегание опасности* и *Самотрансцендентность* — имеют малый размер эффекта с точки зрения предикции компонентов аутентичности. Среди субшкал ТСИ Р. Клонингера второго порядка *Аутентичную жизнь* уверенно предсказывают только *Ответственность* и *Гармоничная вторая натура*. В *Принятие внешнего влияния* большой вклад вносят нежелание принимать на себя *Ответственность* и *Сентиментальность*. Риски *Самоотчуждения* велики у тех людей, которые проявляют отстраненность в отношениях с окружающими, не ориентированы на достижения, и тех, которые не толерантны к ситуациям неопределенности.

Что касается отношений между чертами личности и аутентичностью, то тут ее компоненты сильно обусловлены *Нейротизмом*, что еще раз отсылает нас к концептуализации аутентичности как базового ресурса психологического здоровья. В переживание *Аутентичной жизни* вносят вклад *Согласие* и *Нейротизм* (отрицательный). *Принятие внешнего влияния* сопряжено с эмоциональной неустойчивостью и неприятием нового опыта. Наконец *Самоотчуждение* диктуется высоким *Нейротизмом* и низкими *Экстраверсией* и *Сознательностью*.

Таким образом, диспозициональная аутентичность — адаптивное качество, свойственное зрелой и самостоятельной личности, принимающей себя и толерантной к неопределенности, личности с устоявшимися ценностями.

Ограничения и перспективы исследования

К ограничениям исследования следует отнести разнокалиберность выборки: полученные результаты в большей мере релевантны для женщин молодого возраста. Поэтому задача будущих исследований — изучить функциональные отношения аутентичности с чертами и характером на более сбалансированных выборках.

Также ближайшая задача — работа над внутренней самосогласованностью шкалы *Аутентичная жизнь*. Мы связываем относительно низкие значения ее внутренней надежности (α Кронбаха — 0.64) с критично малым количеством пунктов, входящих в эту шкалу.

Перспективная задача ближайшего времени состоит в уточнении феноменологического статуса самой аутентичности: в данном исследовании мы рассматривали ее только как черту, однако аутентичность может быть рассмотрена и как состояние личности, и тогда ее связи с характером и темпераментом могут быть совершенно иными.

Литература

- Алмаев Н. А., Островская Л. Д. (2005). Адаптация опросника темперамента и характера Р. Клонинджера на русскоязычной выборке. *Психологический журнал*, 6, 74–86.
- Бардадымов, В. А. (2012). Аутентичность личности подростков на разных стадиях аддиктивного поведения (Кандидатская диссертация). Московский городской психолого-педагогический институт, Москва.
- Бочавер, К. А., Данилов, А. Б., Нартова-Бочавер, С. К., Квитчастый, А. В., Гаврилова, О. Я., Зязина, Н. А. (2019). Перспективы салютогенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей. *Клиническая и специальная психология*, 8(1), 58–77. doi:10.17759/cpse.2019080104
- Катха Упанишада (часть 1.1). Режим доступа: <http://bg-aquarium.com/ru/book/katha-upanisada/cast-11>
- Классическое конфуцианство. (2000). *Конфуций. Лунь Юй* (т. 1). СПб./М.: Нева/Олма-Пресс.
- Князев, Г. Г., Митрофанова, Л. Г., Бочаров, В. А. (2010). Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой Пятерки”». *Психологический журнал*, 31(5), 100–110.
- Леонтьев, Д. А., Шильманская, А. Е. (2019). Жизненная позиция личности: от теории к операционализации. *Вопросы психологии*, 1, 90–100.
- Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина». (1996). М.: Сфера.
- Нартова-Бочавер, С. К. (2011). Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования. *Психологический журнал*, 32(6), 18–29.
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2007). Смыслотрата и отчуждение. *Культурно-историческая психология*, 3(4), 68–77.
- Платон. (1986). *Диалоги*. М.: Мысль.
- Хромов, А. Б. (2000). *Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие*. Курган: Изд-во Курганского государственного университета.
- Янченко, А. А., Нартова-Бочавер, С. К. (2020). Сострадание к себе как адаптивное свойство личности. *Психологические исследования*, 3. Режим доступа: <http://psystudy.ru/>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Нартова-Бочавер Софья Кимовна — профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: психология индивидуальных различий, психология суверенности, психология среды.

Контакты: s-nartova@yandex.ru

Ирхин Борис Денисович — аспирант, факультет социальных наук, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: психология среды, кросс-культурная психология, социальная психология.

Контакты: zuroi.a@gmail.com

Резниченко София Ивановна — научный сотрудник, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология индивидуальных различий, психология среды, клиническая психология, организационная психология, психометрика.

Контакты: reznichenko.sofya@yandex.ru

Приложение

Частные особенности характера и темперамента (субшкалы ТСИ Р. Клонингера), обуславливающие проявления диспозициональной аутентичности (регрессионный анализ)

Переменные	B	SEB	β	p
<i>Модель 1: Аутентичная жизнь ($F(7, 259) = 24,05; p < 0.001; R_{adj}^2 = 0.39$)</i>				
Ответственность (С)	0.63	0.11	0.32	0.000
Гармоничная вторая натура (С)	0.38	0.08	0.28	0.000
Гипертрофированная эмпатия (СТ)	-0.34	0.11	-0.16	0.002
Страх неопределенности (ИО)	-0.39	0.15	-0.14	0.010
Сострадание (К)	0.23	0.08	0.13	0.010
Привязчивость (ЗП)	0.27	0.11	0.12	0.017
Экстравагантность (ПН)	0.19	0.09	0.10	.048
<i>Модель 2: Принятие внешнего влияния ($F(6, 260) = 17.48; p < 0.001; R_{adj}^2 = 0.27$)</i>				
Ответственность (С)	-0.77	0.16	-0.31	0.000
Сентиментальность (ЗП)	0.61	0.17	0.19	0.000
Астения (ИО)	-0.48	0.15	-0.22	0.002
Страх неопределенности (ИО)	0.65	0.24	0.18	0.007
Гармоничная вторая натура (С)	-0.23	0.11	-0.14	0.034
Застенчивость (ИО)	0.32	0.16	0.13	0.044
<i>Модель 3: Самоотчуждение ($F(8, 258) = 19.50; p < 0.001; R_{adj}^2 = 0.36$)</i>				
Привязчивость (ЗП)	-0.94	0.19	-0.26	0.000
Целенаправленность (С)	-0.70	0.22	-0.21	0.002
Страх неопределенности (ИО)	0.84	0.27	0.19	0.002
Любознательность (ПН)	0.48	0.16	0.17	0.003
Вера в сверхъестественное (СТ)	0.38	0.13	0.15	0.004
Гармоничная вторая натура (С)	-0.37	0.14	-0.17	0.009
Ответственность (С)	-0.49	0.19	-0.16	0.011
Самопринятие (С)	-0.31	0.14	-0.11	0.033

Примечание. В скобках указаны верхнеуровневые шкалы опросника Р. Клонингера: С – Самостоятельность; ЗП – Зависимость от подкрепления; ПН – Поиск нового; ИО – Избегание опасности; СТ – Самотрансцендентность; К – Кооперативность, В – нестандартизованный коэффициент регрессии; SEB – стандартная ошибка В; β – стандартизованный коэффициент регрессии.

Trait Authenticity in the Intrapersonal Space

S.K. Nartova-Bochaver^a, B.D. Irkhin^a, S.I. Reznichenko^a

^a *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

Dispositional authenticity is a narrow personal trait, describing personal ability to live in accord with their inner self and resist the external influences. The tripartite model of authenticity comprises three components: authentic living, not accepting external influence and lack of self-alienation. In the current research we performed two empirical studies, aiming to mark dispositional authenticity on a map of personality. The objectives of these studies were 1) to clarify the ontological status of authenticity as a trait by correlating it with other personality features, 2) to determine the pattern of traits that are most favorable or unfavorable for its manifestation, and 3) to find its possible predictors. We used the Russian version of the Authenticity scale (Wood et al, 2008; adapted by S. Nartova-Bochaver et al., 2020) as a main research instrument. In our first study (n = 271) we used the Russian version of the Temperament and Character Inventory (TCI-140) (Cloninger et al., 1993; adapted by N. Almaev, L. Ostrovskaya, 2005). It was found that Self-Directedness as a character trait is a key predictor of authenticity. Somewhat weaker authenticity can be explained by the features of temperament – low Harm Avoidance and Reward Dependence. Novelty Seeking and Cooperativeness do not play a role in maintaining authenticity. In Study 2 (n = 174) we analyzed the relationship between authenticity and the basic personality traits, measured by the Big-Five Factor Markers (Goldberg, 1992; adapted by G. Knyazev et al., 2010). It was found that authenticity is strongly conditioned by emotional stability (low Neuroticism), while self-alienation is provoked by high Neuroticism and low Extraversion and Conscientiousness. The relatively weak predictive ability of character and temperament traits towards to authenticity confirms the assumption that authenticity should be considered as an independent and systemic personal trait.

Keywords: authenticity, personality, temperament, character, Big Five.

References

- Almaev, N. A., & Ostrovskaya, L. D. (2005). Russian-language adaptation of Temperament and Character Inventory by R. Cloninger. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 6, 74–86. (in Russian)
- Ashton, M. C., & Lee, K. (2007). Empirical, theoretical, and practical advantages of the HEXACO model of personality structure. *Personality and Social Psychology Review*, 11, 150–166.
- Bardadymov, V. A. (2012). *Autentichnost' lichnosti podrostkov na raznykh stadiyakh addiktivnogo povedeniya* [Teenagers' personal authenticity at different stages of addictive behavior] (PhD dissertation). Moscow State Institute of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation. (in Russian)

- Barrett-Lennard, G. T. (1998). *Carl Rogers' helping system: Journey and substance*. London: Sage.
- Bochaver, K. A., Danilov, A. B., Nartova-Bochaver, S. K., Kvitchasty, A. V., Gavrilova, O. Y., & Zyazina, N. A. (2019). Future of salutogenic approach to prevention of burnout syndrome in Russian physicians. *Klinicheskaya i Spetsial'naya Psikhologiya [Clinical Psychology and Special Education]*, 8(1), 58–77. doi:10.17759/psycljn.2019080104 (in Russian)
- Cloninger, C. R., Svrakic, D. M., & Przybeck, T. R. (1993). A psychobiological model of temperament and character. *Archives of General Psychiatry*, 50, 975–990.
- Cohen, J. (1988). *Statistical power analysis for the behavioral sciences* (2nd ed.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (1985). The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 19, 109–134.
- Fleeson, W., & Wilt, J. (2010). The relevance of Big Five trait content in behavior to subjective authenticity: Do high levels of within-person behavioral variability undermine or enable authenticity achievement? *Journal of Personality*, 78, 1353–1382.
- Goldberg, L. R. (1992). The development of markers for the Big-Five factor structure. *Psychological Assessment*, 4(1), 26–42.
- Gray, J. A. (1987). *The psychology of fear and stress* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Grégoire, S., Baron, L., Ménard, J., & Lachance, L. (2014). The Authenticity Scale: Psychometric properties of a French translation and exploration of its relationships with personality and well-being. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne des Sciences du Comportement*, 46(3), 346–355. doi:10.1037/a0030962
- Hair, J. F., Black, W. C., Babin, B. J., & Anderson, R. E. (2010). *Multivariate data analysis*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Harter, S. (2002). Authenticity. In C. R. Snyder & S. J. Lopez (Eds.), *Handbook of positive psychology* (pp. 382–394). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Katha Upanishad (Pt. 1.1). Retrieved from <http://bg-aquarium.com/ru/book/katha-upanisada/cast-11> (in Russian)
- Kernis, M. H., & Goldman, B. M. (2006). A multicomponent conceptualization of authenticity: Theory and research. *Advances in Experimental Social Psychology*, 38, 283–357.
- Khromov, A. B. (2000). *Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti* [Five-factor personality questionnaire]. Kurgan: Kurgan State University. (in Russian)
- Klassicheskoe konfutsianstvo [Classical Confucianism]. (2000). *Konfutsii. Lun' Yui* [Confucius. Analects] (Vol. 1). Saint Petersburg/Moscow: Neva/Olma-Press. (in Russian)
- Knyazev, G. G., Mitrofanova, L. G., & Bocharov, V. A. (2010). Validization of Russian version of Goldberg's "Big-Five Factor Markers" Inventory. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 31(5), 100–110. (in Russian)
- Lenton, A. P., Slabu, L., & Sedikides, C. (2016). State authenticity in everyday life. *European Journal of Personality*, 30(1), 64–82.
- Leontiev, D. A., & Shil'manskaya, A. E. (2019). Personal life position: making theoretical notions operational. *Voprosy Psikhologii*, 1, 90–100. (in Russian)
- Lopez, F. G., & Rice, K. G. (2006). Preliminary development and validation of a measure of relationship authenticity. *Journal of Counseling Psychology*, 53, 362–371.
- Maltby, J., Wood, A. M., Day, L., & Pinto, D. (2012). The position of authenticity within extant models of personality. *Personality and Individual Differences*, 52(3), 269–273.
- Misteriya Dao. Mir Dao De Tszina [The Mystery of the Tao. Tao Te Ching]. (1996). Moscow: Sfera. (in Russian)

- Nartova-Bochaver, S. K. (2011). Understanding of authenticity in foreign psychology of personality: History, phenomenology, research. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 32(6), 18–29. (in Russian)
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2007). *Smysloutrata i otchuzhdenie* [Loss of meaning and estrangement]. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 3(4), 68–77. (in Russian)
- Parish, S. M. (2009). Are we condemned to authenticity? *ETHOS, Journal of the Society for Psychological Anthropology*, 37(1), 139–153.
- Pinto, D. G., Maltby, J., & Wood, A. M. (2011). Exploring the tripartite model of authenticity within Gray's approach and inhibition systems and Cloninger's bio-social model of personality. *Personality and Individual Differences*, 51(2), 194–197.
- Plato. (1986). *Dialogi* [Dialogs]. Moscow: Mysl'. (in Russian)
- Robinson, O. C., Lopez, F. G., Ramos, K., & Nartova-Bochaver, S. (2013). Authenticity, social context, and well-being in the United States, England, and Russia: A three country comparative analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44(5), 719–737.
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: Guilford Press Publishing.
- Sheldon, K. M., Ryan, R. M., Rawsthorne, L., & Ilardi, B. (1997). Trait self and true self: Cross-role variation in the Big-Five personality traits and its relations with psychological authenticity and subjective well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73, 1380–1393.
- Sun, J.-W., Xue, J.-M., Bai H.-Y., Zhang, H.-H., Lin, P.-Z., & Cao, F.-L. (2016). The association between negative life events, neuroticism and aggression in early adulthood. *Personality and Individual Differences*, 102, 139–144. doi:10.1016/j.paid.2016.06.066
- Sutton, A. (2020). Living the good life: A meta-analysis of authenticity, well-being and engagement. *Personality and Individual Differences*, 153, 109645. doi:10.1016/j.paid.2019.109645
- Wood, A. M., Linley, P. A., Maltby, J., Baliousis, M., & Joseph, S. (2008). The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale. *Journal of Counseling Psychology*, 55(3), 385–399.
- Yanchenko, A. A., & Nartova-Bochaver, S. K. (2020). Self-compassion as an adaptive feature of the person. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 13(71). Retrieved from <http://psystudy.ru/> (in Russian)

Sofya K. Nartova-Bochaver — Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, DSc.
Research Area: individual differences, psychology of sovereignty, environmental psychology.
E-mail: s-nartova@yandex.ru

Boris D. Irkhin — PhD student, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics.
Research Area: environmental psychology, cross-cultural psychology, social psychology.
E-mail: zuroi.a@gmail.com

Sofia I. Reznichenko — Research Fellow, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, PhD.
Research Area: differential psychology, environmental psychology, clinical psychology, organizational psychology, psychometrics.
E-mail: reznichenko.sofya@yandex.ru